

Представления о семье у подростков разного психологического возраста

Е.Л. Горлова*,
ФГБОУ ВО РГГУ, Москва, Россия
el.gorlova@gmail.com

В статье проанализированы самоописания 32 респондентов 14–15 лет, выполненные в соответствии с инструкциями методик «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд, модификация Т.В. Румянцевой) и «Незаконченные предложения» Сакса-Леви (Sacks J.M., Levy S.). В ответах подростков выделены три предмета рефлексии: деятельность, коммуникация, самосознание. Психологический возраст участников исследования определен на основе преобладания высказываний в одной из этих трех сфер – предпод-ростковый (ситуативно-практический, деятельностный уровень рефлексии), младший подростковый (коммуникативный уровень рефлексии) и старший подростковый (личностный уровень рефлексии). Сопоставлены результаты изучения рефлексии подростков с данными других отечественных исследователей. Проведен качественный анализ коротких рассказов подростков о жизни семьи, содержание которых, согласно инструкции, отражало бы взаимоотношения между членами одной семьи, уклад их жизни, традиции. Выявлены сходства и различия представлений о семье у подростков младшего и старшего психологического возраста и связи между психологическим возрастом подростков (уровнем развития рефлексии) и их отношением к семье, матери, отцу, к самому себе.

Ключевые слова: психологический возраст, возрастное психологическое новообразование, рефлексия, младшие и старшие подростки, образ семьи.

Family Representations in Adolescents of Different Psychological Age

E.L. Gorlova,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
el.gorlova@gmail.com

The paper analyses self-descriptions made by 32 subjects aged 14–15 years using the Incomplete Sentences technique (J.M. Sacks, S. Levy) and M. Kuhn and T. McPartland test “Who am I?” in T.V. Rummyantseva’s modification. There are three topics of reflection in the adolescent’s responses: activity, communication and self-consciousness. The psychological age of the participants was defined according to the topic which dominated in their self-descriptions: pre-adolescent (situation-based, practical, activity-oriented level of reflection), early adolescent (communicative) and late adolescent (personality-based level of reflection). The outcomes of the study were then compared to other Russian studies of reflection in adolescents. Also, the paper presents a qualitative analysis of the adolescents’ short stories about family life which depicted, as the instruction had put it, the relationships between members of one family, their everyday life and traditions. The paper reveals the differences and similarities in family representations of the adolescents of early and late adolescent psychological age and explores the correlations between

Для цитаты:

Горлова Е.Л. Представления о семье у подростков разного психологического возраста // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 24–32. doi:10.17759/chp.2018140203

For citation:

Gorlova E.L. Family Representations in Adolescents of Different Psychological Age. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 24–32. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2018140203

* Горлова Елена Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (ФГБОУ ВО РГГУ), Москва, Россия. E-mail: el.gorlova@gmail.com
Gorlova Elena Leonidovna, PhD in Psychology, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: el.gorlova@gmail.com

the adolescents' psychological age (the level of their reflection) and their attitudes towards their family, mothers, fathers and to themselves.

Keywords: psychological age, age-related new psychological formation, reflection, early and late adolescents, family representation.

Изучение возрастных психологических новообразований — актуальное для практики направление исследований. В культурно-исторической психологии это понятие используется в отечественных периодизациях развития как критерий выделения этапов онтогенеза и соотносится с психологическим возрастом человека. Один из дискуссионных вопросов в современной психологии подросткового возраста — это вопрос о критериях психологического взросления. Мы выбрали в качестве такого критерия содержание рефлексии участников исследования. Цель данной статьи — раскрыть особенности образа семьи у подростков разного психологического возраста.

Вначале сошлемся на данные других авторов, анализирующих специфику рефлексивного развития у современных подростков, юношей и взрослых. Сразу отметим, что какие бы методики ни выбирали современные исследователи, все сходится в том, что испытуемые по уровню рефлексии как процесса самопознания человеком собственных психических актов и состояний показывают сниженные для своей возрастной группы результаты.

О.В. Бородачева, при изучении речевой компетентности в рассказах о себе, приводит данные о рефлексивном развитии, полученные с помощью опросника А.В. Карпова: «Подавляющее большинство старших подростков характеризуются средним (53% респондентов (21 человек)) и низким (45% (18 человек)) уровнем развития рефлексивности» [2, с. 11]. У подростков 15–16 лет отмечается средняя (с тенденцией к низкой) мотивация рассказывать о себе (произвести впечатление, для самопознания, для получения признания и уважения).

В трех других работах, выполненных на выборках студентов разных курсов вузов, с использованием различного методического инструментария, получены данные, позволяющие авторам сделать похожие выводы: низкий уровень рефлексии и личностная незрелость обнаруживаются как у юношей, так и девушек: у студентов вузов в Томске (В.В. Мацута, С.А. Богомаз); у студентов магистратуры города Костанай (Н.Н. Ниязбаева), у студентов вузов из Москвы, Гомеля, Орска, Ровно (Е.Л. Бережковская, А.М. Прихожан и соавторы).

В.В. Мацута и С.А. Богомаз акцентируют внимание на том, что студенты 1–2 курсов не только не выходят за границы средних значений рефлексивности, но и присутствует тенденция низких показателей рефлексивного развития (опросник «Дифференциальная диагностика рефлексивности», Д.А. Леонтьев). В исследовании доказана связь системной рефлексии (наиболее адекватной и адаптивной, в отличие от других ее вариантов, предложенных Д.А. Леонтьевым, — самокопания и квазирефлексии)

с высоким уровнем социального интеллекта, проявляющегося, к примеру, в выборе таких стратегий выхода из конфликтной ситуации, как компромисс и сотрудничество [6].

Н.Н. Ниязбаева сравнила типы рефлексивно-феноменологических суждений у магистрантов (в эссе о самоосуществлении, феномене свободы в образовании) с разными уровнями личностной рефлексии, выделенными по опроснику А.В. Карпова. Выяснено, что 50% респондентов имеют нерефлексивные суждения (неаргументированный, неразвернутый тип суждений), 37,1% — частично развернутый, неаргументированный тип суждений и 12,9% — развернутый и аргументированный тип. Данное исследование показывает положительную связь личностной рефлексии со способностью строить суждения; вместе с тем очень малая часть магистрантов (будущих преподавателей вуза) обладают данной способностью [8].

Связь мотивации к обучению и рефлексии раскрыта в исследовании Т.С. Тихомировой и Н.В. Кочеткова. В данной работе также с помощью опросника А.В. Карпова выделены группы низкорелексивных, средне- и высокорелексивных студентов, показаны различия составляющих мотивации к обучению в трех группах. Способность к приобретению знаний и овладению профессией, адекватность мотивации выше в группе высокорелексивных студентов [11].

Е.Л. Бережковская и коллектив соавторов сравнили рефлексивное развитие «ленивых» и «усердных» первокурсников вузов [9]. Разделение на две группы исследователи сделали на основе задания «История», в котором студенты выполняли несложную, но рутинную работу: читали текст с историческим содержанием о государствах Древнего Междуречья и отвечали на три вопроса по тексту. Первокурсники (49%), ответившие на поставленные вопросы, были отнесены к группе «усердные»; те же, кто не сделал попытки или выполнил задание формально, составили группу «ленивых» (51%). Для изучения психологического возраста испытуемых авторы использовали методику «Я-высказывания» (А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых), где участнику предлагается закончить 15 высказываний, начинающихся местоимением первого лица единственного числа (я, мне, меня, со мной, у меня). Эта методика, в отличие от инструкции «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд), по мнению исследователей, более информативна в отношении психологического возраста испытуемых, так как не задает вектор размышлений, а позволяет самому человеку выбрать актуальные аспекты своего Я. Авторы анализируют феноменологию самоописаний детей и подростков, раскрывают возрастную трансформацию представлений о себе в сторону большей уникальности атрибуций личностных характеристик [9].

Один из статистически подтвержденных выводов в этой работе — о содержании рефлексии: «ленивые» значимо чаще думают о себе в связи с удовольствиями и комфортом, сравнивают, насколько они соответствуют принятым нормам. У этой части выборки встречаются эпатажные Я-высказывания, преобладание которых свидетельствует о личностной незрелости. Для группы «усердных» характерны высказывания о себе, связанные с осознанием своих внешних и внутренних качеств, отношений с друзьями и близкими, содержательных интересов. Авторы связывают эти различия с психологическим возрастом — «ленивые» менее зрелые, чем «усердные» [9].

В рефлексивном тесте-самоотчете «Кто я?», разработанном В.С. Мухиной, взрослые респонденты не ограничиваются во времени написания ответов и получают установку на глубинное самописание своих личностных свойств [7]. В работах научной школы В.С. Мухиной показано, что большинство взрослых испытуемых неспособны к рефлексии по поводу своего сущностного (общечеловеческого) потенциала. Большая часть ориентирована на конкретные, четко очерченные в социуме социально значимые роли и мало способна к глубоким личностным саморефлексиям [7].

Е.Е. Сапогова разрабатывает экзистенциально-нарративный подход к изучению взрослости, в рамках которого представлена методика «Модусы жизни» [10]. Респонденты соотносили 12 возможных модусов жизни, описанных в опроснике, с собственной жизнью и представлениями о ней (жизнь как потеря, как приобретение, испытание, геройство, триктерство, авантюра, долг, любовь, странничество, хранение, вера, жертвенность). Сравнение выборов у молодых людей 18–25 лет и взрослых 40–52 лет показало значимые различия в оценках предложенных событийных категорий. Выбор молодыми людьми в качестве предпочитаемых модусов таких, как «триктерство» и «авантюра», оценивается автором как признак «бегства от взросления» и удлинения периода детства [4, с. 48]. К.Н. Поливанова, Н.Н. Толстых называют одной из причин данного явления отсутствие эталонов взросления в современной культуре.

Е.Е. Сапогова рассматривает рефлекссию как средство автобиографирования взрослого человека: овладев этим психологическим инструментом, взрослый человек обретает способ осмысления и конструирования своего Я, планирования своей жизни на основе извлеченных из жизненных событий смыслов. М.В. Клементьева, развивая подход Е.Е. Сапоговой, исследует биографическую рефлекссию в форме рефлексии жизненного пути и жизненного опыта как ресурс саморазвития взрослых людей, подтверждает эмпирическим путем связь рефлексии с личностной зрелостью у взрослых респондентов [4].

Как видим из обзора, рефлексия соотносится с психологическим взрослением человека, в исследованиях используются как опросники, так и рефлексивные вопросы. В нашей работе мы соотнесли уровень

рефлексивного развития подростков (психологического новообразования данного периода) с их представлениями о семье. В частности, предполагаем, что представления о семье у младших подростков (по психологическому возрасту) будут включать формальное описание опыта своих детско-родительских отношений, в отличие от представлений старших подростков, в фокусе которых будет обобщенно-нормативный образ семейных межличностных отношений.

Данные¹ по методике «Кто я?» (М. Кун, Т. Макпартленд) позволяют определить особенности рефлексии у подростков. Используя классический вариант анализа результатов в адаптации Т.В. Румянцевой, остановимся в статье на выявленных аспектах самосознания и сферах идентичности, представим уровень самооценки подростков, дифференцированность их представлений о себе. Рассмотрим по результатам теста «Незаконченные предложения» Сакса—Леви (Sacks J.M., Levy S.) отношение респондентов к себе, матери, отцу и семье в целом. Сопоставив содержание рефлексии по двум методикам, определим психологический возраст участников. Далее проанализируем сходства и различия представлений о семье у подростков разного психологического возраста, используя как материал теста «Незаконченные предложения», так и качественный анализ эссе подростков на тему «Жизнь семьи».

В общей сложности подростки (выборка — 32 участника, средний возраст — 14,8 лет, стандартное отклонение — 0,39, учащиеся 9-х классов общеобразовательной московской школы, поровну девушек и юношей, семь человек — из неполных семей, 3 юноши и 4 девушки) дали 269 ответов на вопрос «Кто я?», которые распределились по всем шкалам идентификационных характеристик (физическое, материальное, перспективное, рефлексивное, деятельное, социальное, эпатажное Я), из них девушки предоставили 167 ответов (60%), юноши — 107 ответов (40%). Минимальное количество ответов, данных за 12 минут, — один ответ, как у юношей, так и у девушек. Максимальное количество ответов, данных девушками, — 21 (среднее количество 10,1 при стандартном отклонении 4,7), юношами — 15 (среднее — 6,9 при стандартном отклонении 4,1).

Респондентам предлагалось оценить свои характеристики. Оценку получило 221 описание (82% от общего количества высказываний), из них у девушек — 129 оценок (58%), у юношей — 92 оценки (42%). На нашей выборке 74% описаний себя получили оценки «нравится» и «очень нравится», 11% — «не нравится», 13% — «и нравится, и не нравится» и 2% описаний — «не знаю». Соотношение количества оценок различных категорий позволяет определить вид самооценки подростков и условно выделить несколько вариантов сочетания оценок. На всей выборке преобладает амбивалентный взгляд респондентов на себя (46,9% выборки) и сомневающийся (25%). Анализ ответов по сферам жизни показал, что интересующая нас сфера

¹ Эмпирические данные собраны студенткой ФГБОУ ВО РГГУ, бакалавром психологии М.В. Барсовой.

семейных отношений присутствует как предмет рефлексии в 13% описаний у юношей и в 25% у девушек, занимает третье место. Первое место в ответах занимает учеба, второе — досуг.

В тесте «Незаконченные предложения» гармоничными сферами для подростков обоих полов являются: нереализованные возможности, включающие представление о счастье, мечты, тайные желания, индексы оценок положительные (2,5 — у девушек, 2,81 — у юношей); отношение к матери, т. е. эмоциональный контакт, восприятие целостности себя и матери (3,75 — девушки; 2,69 — юноши), в отличие от нейтрального отношения к отцу (0,5 — девушки; 0,63 — юноши). Также можно говорить о позитивном подходе в следующих сферах: отношение к будущему — надежды, перспективы, представление о старости (2,44 — девушки; 1,50 — юноши), отношение к семье — восприятие своей семьи в сравнении с другими семьями, характер отношения семьи к подростку, детские воспоминания (2,50 — девушки; 1,69 — юноши).

Такие сферы, как отношение к себе (оценка собственных способностей, взаимодействие с другими людьми в ситуациях возникновения противоречий, слабости) и отношение к лицам противоположного пола, различаются у юношей и девушек: в группе юношей соответственно значения индексов отношения к себе — 1,63 (позитивное) и к лицам противоположного пола — 0,13 (нейтральное). У девушек сфера отношения к себе является нейтральной — 0,25 (различия результатов девушек и юношей достоверны, критерий U Манна–Уитни: $U=74$; $p=0,039$), а отношение к лицам противоположного пола — отрицательное — 1,25 ($U=69,5$; $p=0,024$).

Далее мы провели контент-анализ ответов респондентов на вопрос «Кто я?» и ответов на незаконченные предложения, относящиеся к рефлексивному взгляду на себя, обозначили уровни рефлексии, связанные с традиционно выделяемыми предметами рефлексии: деятельность, коммуникация, самосознание. Отметим, что четыре подростка (12,5%) вошли в группу «отказ от самораскрытия», они предлагали односложные ответы в методике «Незаконченные предложения», либо вместо ответа ставили прочерк. Например, юноша, 15 лет: «Будущее кажется мне прекрасным», «Надеюсь на лучшее», «Когда буду старым... надеюсь нескоро», «Моя мать добрая», «Я боюсь химии» (остальные предложения с прочерком). В задании «Кто я?» — минимум информации, этот же юноша дает такие ответы: «Хороший, высокий».

Деятельностный тип рефлексии (ситуативно-практический) характеризуется выраженной презентацией в текстах подростков активности, деловитости, реалистичности, ситуативности; присутствуют ориентир на настоящее и будущее, конкретность при описании себя как деятеля и одновременно отмечается скудность в описании своих личностных особенностей. Например, девушка, 15 лет: «Девушка, обжора, люблю мотоциклы, футбол, хоккей, люблю спать, люблю смотреть фильмы, мечтающая». В незаконченных предложениях: «В будущем у меня будет мотоцикл», «Надеюсь на лучшее». Данный уровень

рефлексии зафиксирован у 18,75% выборки. Психологический возраст этой группы можно условно называть «предподростковый».

Коммуникативный тип рефлексии (ситуативно-контекстный) связан с осознанием подростком того, как он воспринимается партнером по общению и как в свою очередь он сам оценивает окружающих. Ответы подростков обеспечивают создание образа для других, наблюдается театральность в суждениях, преувеличение собственных негативных/позитивных характеристик, эпатаж, демонстративная самоподача. Например, пятнадцатилетний юноша резюмирует: «Я как сок "RICH", офигенный, написал резюме и расплакался, "какой же я классный"». Незаконченные предложения юноши: «Надеюсь на звезду смерти», «Большинство моих товарищей не знают, что я боюсь — ничего не боюсь». Этот уровень обнаружен у 18,75% участников исследования. Эта группа по психологическому возрасту отнесена к младшему подростковому периоду.

Личностная рефлексия (надситуативная, обобщенно-личностная) характеризуется в первую очередь тенденцией к самораскрытию через описание своих личностных черт. Здесь мы обнаружили два варианта самоописаний: «значенческий» тип, когда подросток выделяет социально-желательные характеристики, раскрывающие его с точки зрения внешней продуктивности, и «смысловой» тип, когда наряду с открытостью и откровенностью ответов, выраженностью эмоционального отношения к тем или иным качествам присутствует «взгляд изнутри» на себя в разных системах оценок. Например, юноша 15 лет, «значенческий» тип личностной рефлексии: «Ученик общеобразовательной школы, парень из обыкновенной семьи, хороший, ответственный друг, сильный, занимаюсь спортом, очень добрый, отличник». Незаконченные предложения: «По сравнению с большинством других, моя семья самая сплоченная», «Будущее кажется мне интересным». Девушка 15 лет со «смысловым» уровнем личностной рефлексии: «Я человек с большими амбициями, я иногда слишком вредная, я ответственный человек, веселый человек и хочу всем помочь, человек, который старается все взвесить, я могу увлечься чем-то очень сильно, обожаю своих друзей». Незаконченные предложения у этой же девушки: «По сравнению с большинством других, моя семья уникальная», «Будущее мне кажется унылым». Соответственно в целом эта группа с личностным уровнем рефлексии (старших подростков) — 50%.

Далее этим же участникам предложили написать текст на тему «Жизнь семьи» согласно инструкции: «Пожалуйста, напишите короткий рассказ о жизни семьи, содержание которого отражало бы взаимоотношения между ее членами, их традиции и уклад жизни». Форма изложения — свободная, без ограничения времени.

Данное задание мы использовали, опираясь на взгляд В.А. Бинаса о рефлексии как «силе интроспекции и децентрации» [1]. С помощью методик «Кто я?» и «Незаконченные предложения» мы можем

выявить только определенный «угол зрения» подростка в отношении себя, называя личностной рефлексией способность подростка рассматривать собственное Я в отношениях с другими, через разнообразие ракурсов самопредъявления и личностное самораскрытие. Уровень рефлексии соотносим с содержанием разрозненных/связанных представлений о себе.

В.А. Бинас показал, что в возрасте 16–17 лет у подростков уже встречается высокий уровень развития интроспекции — содержательной составляющей рефлексии, но значительные трудности возникают в осуществлении децентрации — процессуальной составляющей рефлексии [1]. Децентрация реализуется в рассмотрении себя и других как объектов, в их означивании и пересмотре своего прошлого через сравнение с собой в настоящем. В.А. Бинас выявил, что подросткам трудно осуществить децентрацию, т. е. выйти за пределы повседневных ситуаций, в которых они взаимодействуют со значимыми людьми. Конструкты подростков стереотипные, отличаются когнитивной простотой, «укладываются в рамки» повседневности [1]. В данном контексте задание написать текст о жизни семьи мы связываем со способностью к децентрации.

Качественный анализ текстов позволил выделить шесть вариантов описаний жизни семьи. Ниже представлен каждый вариант с фрагментами текстов подростков, в которых сохранены синтаксис и грамматика авторов.

Формальный вариант — перечисление бытовых действий, отсутствует отношение к происходящему, предложения односложные. Рассказ такого типа показывает восприятие семьи через функцию совместного проживания ее членов. «Папа проснулся, мама проснулась, и я тоже проснулся. Они поцеловались. Папа ушел на работу. Мама ушла на работу. Поработали. Приехали с работы. Легли спать» (рассказ написан юношей, возраст 15 лет).

«Своя семья» — описание повседневных событий и отношений в семье с прямым указанием на то, что речь идет именно о родителях подростка. «Мама и папа в разводе, так что я живу с мамой и отчимом и его мамой. В семье у нас хорошие и спокойные отношения. Мама у меня очень хорошая. Она добрая и всегда меня поймет, все расскажет напрямую при любых обстоятельствах. С папой я редко вижу, он переехал, много работает» (рассказ написан девушкой, возраст 15 лет).

Наблюдательский — рассказ основан на реальных событиях, но не своей семьи, а той, за которой наблюдали. Выбор другой семьи может говорить о начале формирования представлений о семье как эмоциональной общности людей — подросток выделяет другие семьи как категорию, выражая отношение к семейным ролям. Описание чужой семьи в качестве положительного примера — способ выделения значимых для подростка аспектов семейных отношений, в данном случае супружеских. «Когда я была на море, я встретила замечательную семью: маму, папу и маленького ребенка. Мальчишке было всего год и восемь, но выглядел он на все 3–4. Взаимоотноше-

ния этой семьи были «суперские». Супруг все время обнимал жену, жена тоже не оставляла мужа без объятий. Сынишка все время был на руках, то у мамы, то у папы. Они выглядели счастливыми, все время улыбались» (рассказ написан девушкой, возраст 15 лет).

«Проза жизни» — этот рассказ строится как формальное описание обычной семейной жизни у выдуманной семьи. «Они были простой семьей. Они жили вместе двадцать лет. У них было три ребенка: два мальчика и девочка. Они их очень любили. Когда дети стали взрослыми, они стали жить отдельно. Они работали строителями. Когда они умерли, дети продолжали их дело. Это была очень дружная семья» (рассказ написан юношей, 15 лет).

Сценарный тип — создается подростком как сценарий к фильму и имеет различные варианты (романтические, остросюжетные, полудетективные истории с многослойным сюжетом, любовными переживаниями, интригами, страданиями и приключениями). В рассказах подростка представлены его фантазии, мечты, копируются различные сюжеты из фильмов, вместе с тем, остается неопределенным личное отношение к семейной жизни. «Семья Ивановых — полноценная семья с тремя детьми, мальчик и девочки. Отец — писатель-фантаст, мать — редактор. Сын учится в старшей школе, старшая и младшая дочери — в средней. Отец любит откликаться на любые семейные проблемы, души не чаёт в детях и жене. Мать часто вдохновляет мужа для книги историями, узанными на работе; хочет, чтобы дети были счастливы. Сын обычно бьет тех, кто бросил старшую дочь, младшая дочь тайне влюблена в старшего брата, не зная, что его усыновили. Когда очередной роман отца удачно выходит, то празднуют всей семьей и приглашают друзей. Финансовые проблемы довольно редкие. Сын хочет стать полицейским, причем честным. Они все счастливые, живут и не хотят по-другому» (рассказ написан юношей, 15 лет).

Рассуждающий тип — описание семейных отношений, рассуждения о том, какой должна быть семья, примеры из жизни, анализ ситуаций. Рассказ данного типа может свидетельствовать о наличии обобщенных представлений о семейной жизни, готовности к анализу своей позиции. «Честно сказать, я не знаю, что мне написать, потому что в каждой семье своя аура, и в каждой семье свои взаимоотношения. Ведь есть такие семьи, где супруги часто ругаются, но, несмотря на это, живут вместе душа в душу. Вот, например, знаю семью, где родители ссорятся часто, и мать ругает детей, но, несмотря на это, они живут вместе...» (рассказ написан девушкой, 14 лет).

В табл. 1 представлены результаты распределения типов рассказов у девушек и юношей.

Как видим, только у 18,8% респондентов данного паспортного возраста сложился обобщенно-нормативный образ семьи как продукт децентрации (рассуждающий тип рассказа — у четырех девушек и двух юношей). Подростки описывали свои представления о семье, выражали отношение к тем или иным аспектам семейной жизни, предлагали свое видение будущей семейной жизни, идеальной и неидеальной

для них семьи. Более 40% респондентов написали рассказ формального типа (у пяти девушек и восьми юношей), помимо этого, один юноша отказался выполнять задание, мотивируя это тем, что он не знает, что писать. Это может свидетельствовать как о негативном отношении к самому предложению придумать рассказ, так и о неопределенности позиции в отношении к семье, либо о сложной семейной истории у самого подростка.

Как справились с этим заданием подростки разного психологического возраста? Количество типов рассказов в четырех группах показано в табл. 2.

У старших подростков представлены рассказы всех типов: формальный, «своя семья», наблюдательский, «проза жизни», сценарный, рассуждающий. Это свидетельствует о том, что, несмотря на сформированную способность к интроспекции и выделению личностных характеристик Я, старший подросток либо создает образ семьи в связи с имеющимися у него клише (формальный рассказ), либо дает описание специфических, тесно связанных с личным опытом семейных взаимодействий и наблюдений. Обратим внимание на то, что в группе подростков с отказом от самораскрытия мы встретились с двумя рассуждающими вариантами описаний семьи. Возможно, эти подростки обладают низкой мотивацией рассказов о себе, поэтому мы не определили их психологический возраст. Как видим, только количество самоописаний в методике «Кто я?» не может являться критерием уровня рефлексивного развития подростков.

Эта часть исследования показала, что старшие подростки, даже демонстрируя способность к интро-

спекции, испытывают трудности в децентрации и означивании, которые являются необходимыми составляющими рефлексивного процесса. По нашим данным, только четвертая часть старших по своему психологическому возрасту подростков с личностной рефлексией (четыре человека из шестнадцати) используют рефлексивность как инструмент для выхода за пределы повседневности и шаблонов, с тем, чтобы сделать предметом своего рефлексивного рассмотрения не только самого себя, но и семью как систему межличностных отношений. Участники исследования младшего подросткового возраста с коммуникативным типом рефлексии (со слабой дифференциацией Я и низким уровнем интроспекции) используют свой опыт семейного быта и формально перечисляют в своих историях простые последовательности ролевых действий членов семьи, в своем большинстве они не могут сконструировать целостный обобщенный образ семьи. Различия между респондентами младшего и старшего подросткового возраста по критерию Манна–Уитни достоверны ($U=21,50$ при $p=0,041$).

Полученные данные мы связываем не только с низким уровнем рефлексивного развития, но и с закрытостью современных семей (мало связей с родственниками, аутентичность семейного устройства, утрата практик «ходить в гости», собираться семьями, малосодержательное общение в семейном кругу). У подростков складываются узко-специфические представления о семейной жизни, основанные довольно часто исключительно на опыте своей родительской семьи и фрагментарных представлениях о семьях одноклассников. С учетом дефицита рефлекс-

Таблица 1

Количество рассказов каждого типа (%)

Тип рассказа «Жизнь семьи»	Девушки	Юноши	Общий показатель
Формальный	15,63	25	40,6
«Своя семья»	6,25	3,13	9,4
Наблюдательский	3,1	0	3,13
«Проза жизни»	6,25	9,4	15,6
Сценарный	6,25	3,13	9,4
Рассуждающий	12,5	6,25	18,8
Нет рассказа	0	3,13	3,13

Таблица 2

Количество рассказов каждого типа у подростков разного психологического возраста

Тип рассказа «Жизнь семьи»	Психологический возраст респондентов					Всего
	Отказ от самораскрытия	Предподростковый возраст	Младший подростковый возраст	Старший подростковый возраст		
				«Значенческий» тип рефлексии	«Смысловой» тип рефлексии	
Нет рассказа	1	0	0	0	0	1
Формальный	1	3	5	1	3	13
«Своя семья»/наблюдательский	0	1	0	3	0	4
«Проза жизни»	0	1	0	3	1	5
Сценарный	0	1	1	0	1	3
Рассуждающий	2	0	0	1	3	6
<i>Всего</i>	4	6	6	8	8	32

сивной функции подростку сложно сформулировать основания для построения идеально-нормативной модели семьи и брака, в связи с чем может возрастать количество молодых людей, отказывающихся от создания семьи, либо откладывающих на неопределенный срок институализацию своих отношений в паре.

На материале рассказов подростков «Жизнь семьи» мы подтвердили вывод, сделанный О.Г. Кулиш при изучении динамики развития нормативного образа семьи на разных стадиях онтогенеза [5]. Анализ О.Г. Кулиш рисунков семьи у испытуемых разных возрастных групп показал, что у дошкольников понятие семьи задается общим местонахождением членов семьи (в нашей работе такие тексты о семье названы формальным типом). Младшие школьники считают нормативной ту семью, в которой есть коллективно-распределенная деятельность и взаимодополнительность семейных ролей (в нашей типологии эти характеристики отличают тексты «Своя семья» и «Проза жизни»). По данным О.Г. Кулиш, в подростковом возрасте появляется важное отличие нормативного образа семьи — выделение подростками в семье не только детско-родительских, но и супружеских любовных взаимоотношений (наблюдательский и сценарный типы рассказов). И в юношеском возрасте нормативный образ семьи — это культурно заданный обобщенный образ семейных отношений (рассуждающий тип рассказа). В нашей работе большинство респондентов имеют нормативные представления о семье, свойственные детям дошкольного и младшего школьного возраста (значимость совместного проживания членов семьи и взаимозависимость детско-родительских отношений), что опять же подтверждает несоответствующее паспортному возрасту подростков рефлексивное развитие.

В.М. Карпова и Е.В. Филиппова сравнили представления о родительской и будущей семье у подростков и юношей (по паспортному возрасту). При общем благоприятном описании двух вариантов семьи, сфера взаимоотношений менее понятна для обеих групп респондентов и носит общий характер

(хорошая, дружная семья) [3]. В юношеском возрасте респонденты реже говорят при описании нынешней семьи об образе жизни, а чаще — об отношении респондента к семье и семьи к респонденту. Образ будущей семьи имеет больше сходств у представителей этих групп (более формальные тексты), а при описании родительской семьи юноши используют значимо больше характеристик, чем подростки. Авторы также делают вывод о том, что представления о семье в юношеском возрасте характеризует более высокий уровень рефлексии.

В нашей работе получены схожие результаты, хотя в задании предлагалось описать жизнь семьи без уточнения каких-либо деталей. Подростки могли предлагать любые варианты осмысления инструкции. Такое открытое задание — способ не только выявления представлений подростков о семье, но и способности подростка к децентрации как одной из составляющих рефлексии.

Приведем еще некоторые статистически значимые различия между младшими подростками (с коммуникативным уровнем рефлексии) и старшими подростками (с личностным «смысловым» уровнем). С психологическим возрастом подростков связано количество Я-высказываний, касающихся интимно-личностных отношений с противоположным полом (по методике «Кто я?») — старшие подростки проявляют больший интерес и позитивное отношение к данной сфере, в отличие от младших подростков (по U-критерию Манна–Уитни различия достоверны, $p=0,033$). Еще одно различие по характеристике «отношение к матери» — позитивное отношение, наоборот, более выражено у младших подростков ($p=0,029$). Другие исследуемые характеристики (отношение респондентов к семье в целом и отдельно к отцу) статистически не различаются у подростков младшего и старшего психологического возраста, но связаны между собой (для корреляционного анализа использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена, данные по всей выборке представлены в табл. 3).

Таблица 3

Данные корреляционного анализа (N=32)

Название параметра	Психологический возраст	Рассказ о семье	«Незаконченные предложения»				«Кто я?»	
			Отношение к семье	Отношение к отцу	Отношение к матери	Отношение к лицам противополож. пола	Интимно-личностные отношения	Отдых
Психологический возраст	1,000	,386*	-,029	,071	-,282	,520**	,390*	-,399*
Рассказ о семье	,386*	1,000	-,159	-,313	-,264	-,064	,246	-,046
Отношение к семье	-,029	-,159	1,000	,456*	,681**	-,040	,146	,071
Отношение к отцу	,071	-,313	,456*	1,000	,473*	,155	,099	-,064
Отношение к матери	-,282	-,264	,681**	,473*	1,000	-,110	,069	,019
Отношение к лицам противоположного пола	,520**	-,064	-,040	,155	-,110	1,000	,111	-,163
Интимно-личностные отношения	,390*	,246	,146	,099	,069	,111	1,000	-,258
Отдых	-,399*	-,046	,071	-,064	,019	-,163	-,258	1,000

Примечание: «*» — корреляция значима при $p < 0,05$; «**» — корреляция значима при $p < 0,01$.

Корреляционный анализ полученных данных показал следующие связи: вместе с психологической зрелостью увеличивается позитивная оценка сверстников противоположного пола («Незаконченные предложения») ($r=0,52$; $p=0,005$); отмечается прямая связь с количеством высказываний, захватывающих сферу интимно-личностных отношений («Кто я?») ($r=0,39$; $p=0,04$). Данная тенденция согласуется с интересом взрослеющих молодых людей к внутреннему миру сверстника и обретением нового опыта в сфере межличностных отношений.

Отметим, что на всей выборке респондентов обратная связь психологического возраста с отношением к матери остается на уровне сильной статистической тенденции. Отметим обратную корреляционную связь психологического возраста подростков со сферой «отдых» в самоописаниях по методике «Кто я?» ($r= -0,399$; $p=0,035$), это подтверждает данные, полученные Е.Л. Бережковской и соавторами при изучении студентов разного психологического возраста (младшие по психологическому возрасту респонденты чаще, чем старшие, думают о себе в связи с удовольствиями и комфортом). Как видим из таблицы, отношение к своей семье имеет более высокий коэффициент корреляционной связи с отношением к матери ($r=0,681$; $p=0,000$), чем с отношением к отцу ($r=0,456$; $p=0,015$).

В фокусе нашего исследования стояла задача определения психологического возраста подростков на основе содержания рефлексии. Мы выяснили, что кроме низкого уровня способности к интроспекции (содержательной стороны рефлексии) у подростков есть трудности в децентрации, означивании и объективации имеющегося опыта близких отношений в своей семье. На основе проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**:

- контент-анализ самоописаний респондентов одного и того же паспортного возраста на основе выделения типов рефлексии — деятельностного, коммуникативного, личностного — позволил определить

их психологический возраст (предподростковый, младший и старший подростковый);

- представления подростков о семье могут быть использованы для оценки способности к децентрации как процессуальной составляющей рефлексии: старшие подростки, способные к интроспекции и показавшие личностный тип рефлексии, только в 12,5% случаев имеют обобщенно-нормативные представления о семье как системе межличностных отношений. Испытуемые предподросткового и младшего подросткового возраста показали низкий уровень децентрации, их представления о семье носят формальный характер и тесно связаны с их опытом в собственной семье, сфера отдыха в большей степени представлена в самоописаниях незрелых подростков;

- обнаружена связь психологического возраста подростков с отношением к лицам противоположного пола и к матери. Позитивное отношение старших подростков к лицам противоположного пола может быть связано с освоением сферы дружеских и романтических отношений со сверстниками. Различия отношения к матери может определяться наличием у старших подростков опыта сепарационных шагов, выделением и оценкой различных сторон своего взаимодействия с матерью;

- положительное отношение к собственной семье имеет более высокий коэффициент корреляции с отношением к матери, чем с отношением к отцу;

- разнообразные исследования отечественных авторов фиксируют сниженные показатели развития рефлексии у молодежи, что может быть связано как с психологической незрелостью участников этих исследований (старших школьников и студентов), так и недостаточной практикой рефлексии в образовательном пространстве;

- построение целенаправленной работы по развитию рефлексии может быть основано на материале ценностей, устройства, видов современной семьи, направлено на проектирование подростками нормативной модели современной семьи и своей будущей.

Благодарности

Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования бакалавра психологии М.В. Барсову.

Acknowledgements

The author would like to thank the Bachelor of Psychology M.V. Barsova for assistance in collecting data for the study.

Литература

1. Бинас В.А. Динамика юношеской рефлексии в процессе психологического консультирования // Развитие личности. 2000. № 2. С. 101–127.
2. Бородачева О.В. Речевая компетентность в рассказах о себе: возрастно-психологические аспекты: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тула: ТулГУ, 2013. 24 с.
3. Карпова В.М., Филиппова Е.В. Представления о родительской и будущей семье в подростковом и юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. № 4. С. 84–97. URL: <http://psyjournals.ru>

References

1. Binas V.A. Dinamika yunosheskoi refleksii v protsesse psikhologicheskogo konsul'tirovaniya [Dynamics of adolescent reflection in course of counseling]. *Razvitie lichnosti* [Development of Personality], 2000, no. 2, pp. 101–127.
2. Borodacheva O.V. Rehevaya kompetentnost' v rasskazakh o sebe: vozrastno-psikhologicheskie aspekty. Avtoreferat diss. ... kand. psikhol. nauk [Speech competence in personal narratives: psychological and age aspects. Ph. D. (Psychology) dissertation abstract, Tula State University]. Tula, 2013. 24 p.

ru/psyedu/2013/n4/66303.shtml. (дата обращения: 15.03.2018).

4. Клементьева М.В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 14–23. doi:10.17759/chp.2016120102.

5. Кулиш О.Г. Взаимосвязь образа семьи и развития самосознания у детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста: дисс. ... канд. психол. наук. М.: РГГУ, 2005. 213 с.

6. Мацута В.В., Богомаз С.А. Связь рефлексии и социального интеллекта у студентов первого курса // Сибирский психологический журнал. 2014. № 51. С. 53–64.

7. Мухина В.С. Рефлексивный тест-самоотчет «Кто я?»: возвращение к обоснованию установок, обращенных к реципиенту, и требования к анализу типов рефлексий на себя // Развитие личности. 2008. № 4. С. 116–129.

8. Ниязбаева Н.Н. Связь особенностей рефлексивно-феноменологических суждений с развитием рефлексивности у студентов магистратуры [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2016. Т.8. № 4. С. 62–70. doi:10.17759/psyedu.2016080407.

9. Психология раннего студенческого возраста. Монография коллектива авторов / Под ред. Е.Л. Бережковской. М.: Проспект, 2014. 187 с.

10. Сапогова Е.Е. Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // Культурно-историческая психология. 2011. № 2. С. 37–51.

11. Тихомирова Т.С., Кочетков Н.В. Мотивация к обучению и личностная рефлексия: особенности и взаимосвязь у студентов вузов [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2017. Т. 22. № 3. С. 53–62. doi:10.17759/pse/2017220306.

12. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7–24. doi:10.17759/cpp.2015230402

3. Karpova V.M., Filippova E.V. Predstavleniya o roditel'skoi i budushchei sem'e v podrostkovom i yunosheskom vozraste [Elektronnyi resurs] [Perceptions of parental and own future family in adolescence and early adulthood]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.RU* [Psychological Science and Education PSYEDU.RU], 2013, no. 4, pp. 84–97. Available at: <http://psyjournals.ru/psyedu/2013/n4/66303.shtml>. (In Russ., abstr. in Engl.).

4. Klement'eva M.V. Biographical Self-Reflection as a Resource for Personal Development in Adults. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 14–23. doi: 10.17759/chp.2016120102 (In Russ., abstr. in Engl.).

5. Kulish O.G. Vzaimosvyaz' obraza sem'i i razvitiya samosoznaniya u detei doshkol'nogo, mladshego shkol'nogo i podrostkovogo vozrasta: diss. ... kand. psikhol. nauk [Correlation of the family concept and self-awareness development in preschool, primary and adolescent children. Ph. D. (Psychology) dissertation, RSUH]. Moscow: RSUH, 2005. 213 p.

6. Matsuta V.V., Bogomaz S.A. Svyaz' refleksii i sotsial'nogo intellekta u studentov pervogo kursa [Correlation between reflexion and social intelligence of first and second-year students of research university]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian journal of psychology], 2014, no. 51, pp. 53–64. (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Mukhina V.S. Refleksivnyi test-samootchet «Kto ya?»: vozvrashchenie k obosnovaniyu ustanovok, obrashchennykh k retsipientu, i trebovaniya k analizu tipov refleksii na sebya [The reflexive self-report test 'Who am I?': the return to the substantiation of the attitudes addressed to the recipient and the requirements to the analysis of self-reflection types]. *Razvitiye lichnosti* [Development of Personality], 2008, no. 4, pp. 116–129.

8. Niyazbaeva N.N. Connection of Features of Reflective-Phenomenological Assessment with the Development of Reflectivity at Master's Students [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.RU* [Psychological Science and Education PSYEDU.RU], 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 62–70 doi:10.17759/psyedu.2016080407. (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Berezhkovskaya E.L. (ed.), *Psikhologiya rannego studencheskogo vozrasta. Monografiya kolektiva avtorov* [Psychology of younger college undergraduates. Multi-authored monograph]. Moscow: Prospekt, 2014. 187 p.

10. Sapogova E.E. Avtobiografirovanie kak protsess samodeterminatsii lichnosti [Autobiographic Activities as the Process of Personal Self-Determination]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical psychology], 2011, no. 2, pp. 37–51. (In Russ., abstr. in Engl.).

11. Tikhomirova T.S., Kochetkov N.V. Learning Motivation and Personal Reflection in Students: Features and Relationship [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.RU* [Psychological Science and Education PSYEDU.RU], 2017. Vol. 22, no. 3, pp. 53–62. doi:10/17759/pse.2017220306. (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Tolstykh N.N. Modern maturation. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2015. Vol. 23, no. 4, pp. 7–24. doi:10.17759/cpp.2015230402. (In Russ., abstr. in Engl.).